

Маркин Виктор Леонидович**Markin Viktor Leonidovich**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и социальных наук
Межрегионального открытого
социального института, Йошкар-Ола

PhD in History,
Associate Professor,
Philosophy and Social Science Department,
Interregional Open Social Institute, Yoshkar-Ola

ПРОФЕССОРА И СТУДЕНТЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

PROFESSORS AND STUDENTS OF MOSCOW UNIVERSITY AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

Аннотация:

В статье рассматривается позиция студентов и преподавателей Московского университета по отношению к началу Первой мировой войны в 1914 г. Описываются мотивация студентов и преподавателей, причины их выбора и действия профессуры и студенчества в первые месяцы войны. Рассмотрено состояние отношений между высшей школой России и немецкими университетами, сравнивается уровень поддержки мировой войны в России и Германии. Сделан вывод о том, что поддержка правительства Российской империи в указанный период являлась следствием как общенациональных, так и внутрикорпоративных факторов, что позволяло представителям университета воспринимать войну делом не только государства, но и своим личным, несмотря на отрицательное отношение к действующему политическому режиму в стране.

Ключевые слова:

Первая мировая война, Московский университет, студенчество, профессора, патриотизм, либералы, социалисты, корпорация.

Summary:

The study deals with Moscow University students and professors' attitude towards the beginning of the First World War in 1914. It describes the motivation, the reasons for their choice and actions in the first months of the war. The relations between Russian higher school and German universities are examined, and the level of support for the world war in Russia and Germany are compared. It is concluded that support of the Russian Empire's government in this period was a result of both national and internal factors that allowed the university representatives to perceive the war not only as a matter of the state but also as a personal one, despite the negative attitude towards the existing political regime in the country.

Keywords:

First World War, Moscow University, students, professors, patriotism, liberals, socialists, corporation.

1 августа 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. Война длилась больше четырех лет и унесла, по разным оценкам, от 10 до 20 миллионов человеческих жизней.

Весть о начале военных действий была встречена всплеском патриотизма со стороны профессуры, сплотила либералов, консерваторов и крайне правых. Необходимо отметить, что эта реакция решительно отличалась от той, которую академическая общественность продемонстрировала в 1904 г., когда началась война с Японией. На экстренном заседании Совета Московского университета 5 августа 1914 г. ректор М.К. Любавский говорил о необходимости войны до победного конца, «нравственного единения со своим венценосным вождем», получив полную поддержку Совета [1, с. 108–110]. Попробуем рассмотреть причину столь выраженной поддержки правительства.

Всплеск патриотизма в России в момент начала Первой мировой войны является общеизвестным фактом нашей истории. Мотивы «борьбы с тевтонцами» и «братства славян», национальные и монархические чувства на короткий срок действительно сплотили всю страну. Московский университет не был «вещью в себе». Являясь неотъемлемой частью русского общества, он с неизбежностью поддавался его влиянию. Однако кроме общенациональных интересов война с Германией отвечала и корпоративным интересам русского университетского сообщества. Для профессоров и преподавателей война означала повышение социального статуса и увеличение финансирования науки. Кроме того, участвуя в идеологическом обосновании войны, профессура усиливала свое влияние на население империи и косвенно – на правительство.

Ученые-гуманитарии Московского университета в 1915 г. работали над такими темами, как «Война и мир ислама», «Англо-русское сближение», «Английское общественное мнение о войне», «Проливы России и Константинополь», «Балканские тревоги», «Война и германская политика», «Война, германские синдикаты, русский экспорт и экономическое изолирование Германии», «Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть колонией Германии», «Немецкое иго и освободительная война», «Война за цивилизацию и право» [2, с. 205–210]. В своих выступлениях и лекциях профессора разъясняли агрессивную политику Германской им-

перии, говоря о ее враждебности к славянству со времени Средних веков. «В германской культуре прошлого и настоящего есть немало образцов этого высокомерного и вообще недолжного отношения к другим народностям и культурам», – говорил профессор всеобщей истории Е.Н. Трубецкой [3, с. 94]. Напластования реваншистских идей обнаруживались русскими историками и в немецкой историографии, и в географической литературе, показывая при этом, насколько захватнические прогнозы немецких географов и геополитиков (например, Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера) реализовались в текущей войне [4].

Профессура считала проигрыш схватки с центральными державами предтечей революции [5, с. 80–82]. Это стимулировало работать на победу, с которой связывалась надежда на реформу государственного устройства. Профессура во время войны во многом согласовывала свою тактику с политической тактикой кадетской и октябристской партий (значительная часть их руководства была тесно связана с университетами – не зря кадетов называли «профессорской партией»). Эти партии еще в августе 1914 г. выдвинули тактику «внутреннего мира», предлагавшую отложить все внутривнутриполитические споры до победы [6, с. 242]. Предполагалось, что война сплотит власть и общественность, устранив отчуждение между ними.

Необходимо отметить, что министр народного просвещения Л.А. Кассо, действия которого во многом и привели к конфликту профессорского сообщества и власти в 1911 г., в момент начала войны находился на лечении в Германии, был интернирован и вернулся в Россию только в конце 1914 г., будучи безнадежно больным человеком. Он скончался 9 декабря 1914 г. На его место 9 января 1915 г. был назначен бывший товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством П.Н. Игнатъев (сын известного русского дипломата). Новый министр народного просвещения придерживался либеральных взглядов и был довольно популярен в общественных и интеллектуальных кругах. Это, несомненно, ослабило напряженность между профессурой и государственной властью.

Осенью 1914 г. антивоенные настроения не пользовались популярностью и среди студентов Московского университета. Патриотический подъем в стране был настолько велик, что 9 октября состоялась уникальная для русских университетов начала XX в. сходка студенчества, поддержавшая действия правительства. Студенты выступили с речами в поддержку войны с Германией, а после этого начали шествие с портретами царя к дому московского градоначальника. Попытка группы студентов юридического факультета устроить в знак протеста свою антивоенную сходку была пресечена администрацией и студентами университета, на сей раз обошлось даже без вмешательства полиции [7, т. 1, с. 546]. И это были студенты вуза, служившего последние 20 лет причиной постоянной головной боли Министерства народного просвещения; вуза, который долгое время считался оплотом либеральных и левых политических групп. Как это стало возможно?

Необходимо учесть, что годы, предшествовавшие Первой мировой войне, характеризовались усилением шовинизма и русофобии в германском обществе. Эта кампания коснулась и студентов из России. Финалом ее был в 1913 г. приказ министра просвещения Германии о запрете зачисления русских студентов в германские университеты. В качестве причин называли низкий моральный и культурный уровень и (с характерной для национального характера прямотой) опасение конкуренции с немецкими специалистами в будущем [8, с. 116].

Таким образом, русским студентам и ученым еще до войны давали понять, что они – конкуренты и враги Германии. Это не прибавило обаяния германской высшей школе и порождало ответную неприязнь. Вместе с тем нельзя не отметить, что уровень и содержание выступлений российского студенчества и профессуры были несравнимы с той степенью милитаризма и шовинизма, которые в начале войны были характерны для высшей школы Германии.

8 октября 1914 г. был обнародован указ Николая II о призыве студентов в армию в целях замещения офицерских должностей. Согласно действовавшему военному законодательству, на военную службу призывались лица не моложе 21 года. Студент, пришедший в университет с гимназической скамьи в возрасте 18 лет, первые два курса не мог быть призван на войну. В то же время студенты третьего и старших курсов с началом войны получали отсрочку от призыва. Таким образом, в 1914 г. на фронт могли идти либо добровольцы, либо великовозрастные студенты младших курсов [9, с. 13]. К январю 1915 г. число студентов в Московском университете по сравнению с сентябрем 1914 г. сократилось на 763 человека, или на 8 %. Хотя количество добровольцев можно признать довольно значительным, эти цифры не позволяют говорить о резком уменьшении численности студенчества университета в связи с войной.

Напротив, уже в сентябре 1915 г. количество студентов Московского университета увеличилось по сравнению с январем с 9 129 до 11 637 человек. В том числе на историко-филологическом факультете обучалось около 1 100 студентов, юридическом – 4 400, медицинском – 2 600 и на физико-математическом – 3 500 студентов [10, с. 178–180]. Увеличение численности студентов произошло во многом из-за того, что в Москве появилось большое количество эвакуированных из западных областей Российской империи, оставленных в ходе отступления 1915 г.

Количество студентов в Московском университете уменьшилось только в 1916 г. Если к 1 января 1916 г. в университете обучалось 11 184 студента, то в ноябре того же года – уже 8 129. К началу весеннего семестра 1917 г. в Московском университете осталось только 6 883 студента, или примерно половина по сравнению с осенью 1915 г. [11, с. 372–375].

Данная ситуация является зеркальным отображением положения дел в Германии. С началом войны немецкие студенты в массовом порядке устремились добровольцами на фронт. Из них был сформирован отдельный 26-й добровольческий резервный корпус, причем полки, бригады и дивизии этого соединения специально комплектовались из учащихся одних и тех же высших учебных заведений. Корпус, состоявший из 18–19-летних юношей, прошедших месячную военную подготовку, был введен в бой в самый разгар наступления немецких войск во Фландрии и был уничтожен в конце октября 1914 г., безуспешно пытаясь прорвать британскую оборону у города Ипра. Погибло около 25 000 студентов-добровольцев. Сами немецкие историки дали этому эпизоду весьма красноречивое название – «Kindermorde von Ipern» («Избиение младенцев под Ипром») [12, р. 67].

Если значительная часть профессоров и преподавателей Московского университета к 1914 г. разделяли либеральные воззрения, то политически активное студенчество находилось под влиянием социалистов. Партия социалистов-революционеров в августе 1914 г. в Швейцарии на «Заграничном совещании центральных работников» приняла доктрину «революционного оборончества», призвав своих членов поддержать Россию (но не царское правительство) в ее войне. Партия социалистов-революционеров по-прежнему рассматривала студенчество как «надклассовую категорию», как часть интеллигенции, которая представляет собой выходцев из народа.

Однако разногласия между отдельными группами внутри партии (которая никогда не отличалась внутренней монолитностью) и эффективная работа полиции привели к распаду организационной структуры эсеровских организаций. Поэтому в Московском университете студенты, разделяющие эсеровские лозунги, в период войны выступали единым блоком с либеральным, «академическим» студенчеством [13, с. 198].

Меньшевики по вопросу о войне разделились от ее поддержки, «революционного оборончества» и «мира без аннексий и контрибуций» до последовательно интернационалистских позиций. В среде студенчества Московского университета они в период войны так и не создали самостоятельную организацию, блокируясь с другими революционными группами.

Большевики единственные из политических партий России в тот момент выдвинули лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую», считая, что поражение своей страны ускорит революцию в ней. Но как раз эта позиция по отношению к войне привела к снижению их популярности в условиях патриотического подъема 1914 – начала 1915 г. Еще летом 1914 г. полиция разгромила Московский комитет РСДРП [14, с. 254–258].

Таким образом, с началом Первой мировой войны преподаватели и студенты Московского университета в большинстве своем выступили на стороне правительства и активно участвовали в мероприятиях патриотического характера. Это являлось следствием как общенациональных, так и внутрикорпоративных факторов, что позволяло воспринимать войну делом не только правительства, но и своим личным. Кардинально изменился характер повседневной деятельности преподавателей, которая утратила чисто академическую направленность и тесно сомкнулась с повседневными оборонными, социально-экономическими и идеологическими нуждами воюющего государства.

Ссылки:

1. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.
2. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1915 г. М., 1916.
3. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. С. 88–96.
4. Анучин Д.Н. Предположение и действительность // Русские ведомости. 1914. 10 сент. ; Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука. Идеология реваншизма // Русская мысль. 1915. № 2.
5. Гримм Э.Д. Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9.
6. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915.
7. История Московского университета : в 2 т. / отв. ред. М.Н. Тихомиров. Т. 1. М., 1955.
8. Иванов А.Е. Указ. соч. С. 116.
9. Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров. Ч. I. М., 1902.
10. Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет / ред. А.Я. Дегтярев, А.В. Сидоров. М., 2005.
11. История Московского университета. С. 372–375.
12. Keegan J. The First World War. L., 1998. 475 p.
13. Политические партии России: история и современность. М., 2000. 631 с.
14. Там же. С. 254–258.